

- Исторический журнал.1939. №8.
56. Там же. С. 65.
57. Там же. С. 61.
58. Там же.
59. Саймонс А. М. Социальные силы в американской истории. М., 1925.
60. Большая Советская Энциклопедия. Т.21. М., 1931.
61. Захарова М. Н. Томас Джефферсон и американская революция // Исторический журнал.1939. №8. С.68.
62. Юзефович И. С. Джордж Вашингтон и борьба за независимость Америки. М.,1941.
63. Там же. С.114.
64. Там же. С.98.
65. Там же. С.126.
66. Там же. С.124.
67. Там же.
68. История дипломатии. Т.1. М.,1941.
69. Там же. С.393.
70. Там же. С.394.
71. Соединенные Штаты Америки. М.,1942.
72. Богарт Э. Л. Указ. соч. С. 73. Соединенные Штаты Америки. М., 1942. С. 132.
74. Там же. С. 237.
75. Соединенные Штаты Америки. М., 1946.
76. Там же. С. 223.
77. Там же. С. 235.
78. Там же. С. 236.
79. Фолкнер Г. История народного хозяйства САСШ. М.-Л., 1932.
80. Лан В. И. Классы и партии в САСШ. М., 1932. С. 43.
81. Заславский Д. О. Очерки истории Северо-Американских Соединённых Штатов в XVIII и XIX вв. М., 1931.
82. Фолкнер Г. История народного хозяйства САСШ. М.-Л., 1932.
83. Захарова М. Н. Томас Джефферсон и американская революция // Исторический журнал.1939. №8.

V. Историческая антология.

Г. А. Лапис, А.Б. Егоров, В. Н. Барышников

Государственная Публичная библиотека в годы блокады Ленинграда глазами английского журналиста

В сентябре 2011 г. исполняется скорбная юбилейная дата - семидесятилетняя годовщина со дня начала блокады Ленинграда. Безусловно, что история тогда периода стала самым драматическим временем в жизни города. Тем не менее, не только жертвенность и трагизм были характерны для тех, кто жил в 1941 - 1944 гг. в Ленинграде. Это было еще и временем массового подвига, совершенного ленинградцами, отстоявшими и защитившими свой город от врага. Поэтому любая, даже незначительная информация о происходивших тогда событиях обладает явной исторической ценностью, тем более, если сведения, которые становятся доступными для отечественного исследователя содержаться в работах авторов, которые являются свидетелями или очевидцами того страшного, но и героического периода в жизни Ленинграда.

В этом отношении книга британского журналиста и писателя А. Верта, написанная в 1944 г., представляет несомненный научный интерес /1/. Автор побывал в Ленинграде осенью 1943 г. и смог на основе своих впечатлений подготовить большую и обстоятельную работу, в которой постарался сделать глубокий срез жизни, происходившей на его глазах в городе.

А. Верт назвал свою книгу одним, но очень емким словом «Ленинград». В этом названии, он тогда явно стремился сказать большее, чем просто вспомнить новое наименование города, который он знал еще с далекого для него детства. Дело в том, что автор родился в 1901 г. в Санкт-Петербурге. Он был

сыном русской и англичанина и в период революции покинул с родителями Россию. Далее вся его дальнейшая жизнь уже будет связана с Западом. Но своим названием книги он хотел сделать, наверное, большее. Очевидно, что для автора, Ленинград и его жители стали символом борьбы с нацизмом, символом стойкости и непоколебимой веры в победу. В условиях продолжения Второй мировой войны это являлось тогда очень важным и важным, прежде всего, для английских читателей его работы.

Фактически, уникальность книги заключается в том, что А. Верт был первым представителем британской и вообще союзнической прессы, который был допущен в город, уже отчасти сбросивший бремя блокады. Проведя в городе пять необычайно насыщенных дней, он сумел составить весьма полное представление о ситуации. Видный журналист, чьи публикации создавали образ СССР на Западе, А. Верт был довольно редким примером человека, который мог посмотреть на историю блокады «со стороны», не являясь непосредственным участником тех событий. Вместе с тем, его нельзя считать полностью «посторонним» - бывший петербуржец, любящий свой родной город и полный детских и юношеских воспоминаний о предреволюционном Петербурге и военном Петрограде, представитель дружественного союзного командования, талантливый журналист и глубокий аналитик, он мог дать необычайно полный обзор положения в Ленинграде в 1943 г.

Объективно автор сумел совершить своего рода репортерский подвиг. Он смог за пять дней посетить все наиболее значимые объекты блокадного города. В книге содержится интересные зарисовки описания системы советских укреплений вокруг и внутри Ленинграда, а несколько глав являются настоящим путеводителем по блокадному городу. Дорогие каждому его жителю - Невский проспект, Дворцовая и Сенная площади, Каменный и Крестовский острова и другие районы города предстают перед нами такими, как увидел их автор в те не радостные и все еще очень тяжелые дни осени 1943 г., года коренного перелома

в этой войне, когда Победа была уже вполне ощутима, но все еще была тогда столь далека.

Собственно сдержанный оптимизм жителей города и их вера в окончательную победу стала одним из главных лейтмотивов книги. Именно такую картину и представляет нам автор: жизнь налаживается, город уже начинает снабжаться по железной дороге, люди уверены в скором снятии блокады и в грядущей победе. Вместе с тем, на Ленинград продолжают падать немецкие снаряды, разрушая здания и убивая людей, в немецких штабах все еще разрабатываются планы «решающего контрнаступления», а председатель Ленгорисполкома П. С. Попков в интервью, которое А. Верт берет тогда у него, говорит, что в городе решены только самые насущные вопросы. До конечной победы еще оставались тысячи километров пути, который еще надо пройти с боями в 1943 - 1945 гг., и сотни тысяч, а возможно, и миллионы жертв.

Однако А. Верт не только наблюдал, он много беседовал с ленинградцами - здесь его уникальные встречи с и председателем исполкома городского совета Ленинграда П. С. Попковым, и директором Кировского завода Н. Д. Пузыревым, и заведующей Государственной Публичной библиотекой Е. Ф. Егоренковой и др. Получить такого рода материал «из первых рук» было крайне трудно даже для хорошо известного советского журналиста. Кроме руководителей высокого ранга А. Верт беседовал с самыми разными людьми, взрослыми и детьми, и из этих разговоров создавалась картина ленинградской обороны, работы заводов, школ, госпиталей, театров, радио и других учреждений города. Еще одно обстоятельство - британская пресса по традиции отличалась особой объективностью и независимостью суждений даже в сравнении с взглядами собственного правительства. В то время как официальный Лондон всегда проявлял значительную степень сдержанности по отношению к России большевиков, книга А. Верта проникнута глубочайшей симпатией к СССР и, особенно к простым гражданам этой страны.

Автор выражает надежды на будущее сближение СССР и Запада и показывает, что это стремление было обоюдным...

Печально, что интересная и во многом уникальная книга А. Верта долгое время (с 1944 г.) оставалась неизвестной отечественному читателю, поскольку и так не была переведена на русский язык. В данном случае, представляется важным начать все же публикацию фрагментов перевода этой работы в надежде на то, что в скором времени она в полном объеме будет издана на русском языке.

Тем не менее, для современного исследователя представляется интересным, что даже в период блокады крупнейшая библиотека мира, которая сейчас называется Российской национальной, а тогда Публичной библиотекой была открыта для всех желающих. В этом отношении впечатления от посещения этой библиотеки британским журналистом в 1943 г. выглядят весьма любопытным и является одной из ярких страниц, написанной тогда им книге о Ленинграде.

А. Верт **Ленинград**

...Но вот, что было по настоящему интересно в этот день - так это посещение большой Ленинградской Публичной библиотеки. Эта большая библиотека на углу Невского и Садовой - одного из «опасных перекрестков» во время артиллерийского обстрела - с ее девятью миллионами томов книг, считается крупнейшей библиотекой в мире, или, по крайней мере, в Европе, после библиотеки Британского Музея. Правда, в последние годы, по мнению некоторых, Ленинская библиотека в Москве превзошла ленинградскую библиотеку, но в Ленинграде никто и нигде не поддержал бы эту точку зрения. В любом случае, что касается бесценной коллекции инкунабул /2/ и первых изданий, то Ленинград, без сомнения, намного превосходит Москву. Это

признает даже сама Москва.

В этот прекрасный солнечный день мы подъехали к зданию Публичной библиотеки, но поскольку перекресток с Садовой улицей считался опасным, а артиллерийский обстрел продолжался уже с утра, мы решили, что поставим машину на площади перед Александринским театром, на другой стороне от библиотеки. И вот мы вышли из машины и осмотрели замечательное здание Александринки, недавно оштукатуренное в желтый цвет, бросили также взгляд и на весь изысканный ансамбль оштукатуренных зданий выполненных архитектором Росси. Слева от нас простиралась небольшая площадь перед Александринским театром, на ней был установлен бутылкообразный памятник Екатерине Великой, с Румянцевым, Потемкиным и другими вельможами, изображенными ниже точно такой же бутылочной формы императорской юбки. Казалось почти чудом, что эта великолепная часть Петербурга уцелела без единой царапины. Хотя улицы в это время оставались почти безлюдными - из-за артиллерийского обстрела, который становился все более и более интенсивным - Александринская площадь /3/ выглядела еще более великолепной, чем когда-либо. И тут же один снаряд, а затем другой разорвались где-то совсем близко, возможно в пятистах ярдах отсюда, на другой стороне Невского, где-то позади огромного гранитного павильона с зеркальными окнами, который когда-то был подобным Гаргантюа самым большим гастрономическим магазином Европы - Елисеевским. В воздух взвились два облака, похожие на красную кирпичную пыль. Трамваи на Невском остановились, из них выскочили небольшое число пассажиров, которые нырнули в дома. В другом месте проспекта еще несколько человек бежали в поисках убежища. Мы немного подождали позади машины, чувствуя себя не очень уверенно, но, возможно, ободренные той особенностью Александринской площади, что она «счастливая». Позади нас, свернув на Невский, проехала машина «скорой помощи». Тут я, явно не к месту, вспомнил про то, как майор Лошак /4/ рассказал о

человеке, который, будучи уже без головы, шатаясь, прошел по Невскому еще два шага. Артиллерийский обстрел продолжался, но снаряды уже не взрывались в этой части города, так что мы прошли на Невский - у меня было ощущение, что мы скорее прокрались, чем прошли - и свернули за угол на другую «несчастливую» сторону Публичной библиотеки на углу Садовой. Здесь, согласно ленинградским слухам, немцы особенно мастерски кладут свои снаряды в середину толпы на трамвайной остановке. В действительности это произошло только один или два раза - отсюда и возникла легенда.

Но сейчас на трамвайных остановках уже не было скопления народа, Невский был все таким же пустынным за исключением одной случайной армейской машины, полудюжины людей, как утверждают, на более опасной стороне улицы, и женщины-милиционера, которая продолжала стоять на своем посту. Потом один из трамваев с двумя пассажирами внутри двинулся с места. Совершенно очевидно, что Ленинград не научился относиться к артиллерийскому обстрелу слишком легкомысленно.

По узкой лестнице мы поднялись в кабинет директора библиотеки, молодой женщины с педантичной наружностью и мужеподобными манерами, на ее одежде была прикреплена медаль «За оборону Ленинграда». Ее фамилия была Егоренкова /5/. Как и на многих других лицах ленинградцев, на ее лице был как бы написан вызов. Увидев нас, она не продемонстрировала ни удовольствия, ни недоброжелательства и просто расценила наше посещение, как небольшую работу, которая оказалась в ее дневной программе. Как и любую другую работу, она должна была ее выполнить профессионально. Лично у меня сложилось впечатление, что она была женщиной, у которой больше не было личностных реакций; все ее существование представляло собой публичную деятельность и ничего больше. Единственной целью ее в жизни было спасение ленинградской государственной библиотеки, а для обычного человека это было чрезвычайно тяжелое задание. Она защищала 9 000 000 книг против 80 000 000

немцев - против тех самых существ, которые впервые за много столетий устраивали в Европе костры из книг. Ленинград - это ощущается постоянно - город фанатичный; только город, которому свойственен божественный фанатизм, может совершить то, что сделал Ленинград; но в этой хрупкой, замотанной работой молодой женщине, которая была директором Ленинградской Государственной библиотеки, горел внутренний фанатический огонь - огонь преданности и ненависти. Она никак не подчеркивала его словесно; ее замечание по поводу снаряда, который убил много людей на Садовой, прямо около библиотеки, было сделано почти случайно, с видимостью полной «объективности», но я почувствовал, что она бы с удовольствием заставила любого немца вынести все муки ада за то, что они сделали с Ленинградом и пытались сделать с Государственной библиотекой.

Возможно, что мне все это показалось. В действительности, вероятно, Егоренкова с начала и до самого конца нашей встречи лишь демонстрировала исключительно рабочее отношение к нашему визиту, но выглядело это очень реально.

«Примечательным фактом в отношении нашей библиотеки является то, - начала Егоренкова, - что она вообще никогда не закрывалась. Даже в декабре 1941 г., или в январе - феврале 1942 г. Когда началась блокада, мы сумели эвакуировать лишь небольшую часть наших самых ценных вещей. Мы эвакуировали самые важные инкунабулы и рукописи, несколько уникальных русских и иностранных книг восемнадцатого и девятнадцатого веков и нашу уникальную коллекцию газет, изданных в гражданскую войну, всего около 360 000 единиц из общего количества более 9 000 000. Наш персонал выполнил колоссальный объем работы по защите библиотеки. Мы заполнили аттики здания мешками с песком, перенесли его 2 200 кубических метров. В какой-то степени мы провели децентрализацию библиотеки, и переместили в подвалы некоторые из наиболее ценных экземпляров книг. Окна заложили кирпичами и мешками с пес-

ком, подготовили емкости с водой, насосы, огнетушители и большие массы песка и с особой тщательностью подготовили всю противопожарную систему в целом - исходя из того, какие могут возникнуть сложности - например, отсутствие нормального водоснабжения. Наша команда МПВО состоит из 102 человек. Тем не менее, нам везет. Единственные неприятности случились с нами во время воздушных налетов - это были несколько зажигательных бомб осенью 1941 г. С тех пор у нас было три прямых попадания снарядами, они повредили крышу, но ни книги, ни сотрудники не пострадали. Более серьезной проблемой было отсутствие топлива и воздействие холода и сырости на наши книги. Но я расскажу об этом позже.

Перед войной в нашем главном здании было семь читальных залов, в день у нас бывало по 3 000 читателей и в день, и мы выдавали в день 9 000 книг, а письменных заявок за день было около четырехсот.

22 июня было отмечено резкое падение посещаемости библиотеки. В августе мы закрыли главный читальный зал и открыли более безопасный на первом этаже, на 150 мест. Поскольку не все люди одинаково реагируют на бомбежку, то для тех, кто очень опасался за свою жизнь, создали условия, чтобы они могли заниматься в бомбоубежище.

По настоящему наши сложности начались с приходом зимы. Мы закрыли все читальные залы, но открыли два маленьких - в одном размещался газетный зал, а в другом была столовая для персонала. В обоих залах есть небольшие кирпичные печки. Но в январе 1942 г. мы были вынуждены закрыть первую из этих двух комнат, и бывшая столовая осталась единственным читальным залом во всей большой библиотеке. Были такие дни в январе 1942 г., когда приходили всего по 5 читателей. Но мы продолжали получать письменные заявки от солдат и от разных организаций, большинство из них по вопросам питания, по производству спичек и тому подобное.

В марте мы сумели открыть еще один читальный зал –

бóльший по размерам, к тому же Ленсовет помог снабдить его более подходящей печкой, а, кроме того, нам дали топливо.

Сейчас у нас бывает около шестидесяти читателей в день, и их количество постепенно увеличивается. В среднем сейчас в библиотеке бывает десять-двенадцать новых посетителей в день. Скоро опять откроются различные высшие технические и другие институты - такие как Политехнический институт, Педагогический институт, частично Университет - и в ближайшие месяцы число наших читателей, без сомнения, будет только расти. Но на сегодня нашими основными читателями являются инженеры, военные врачи, научные работники – короче, специалисты, сталкивающиеся с ежедневными практическими проблемами. Сейчас среди наших читателей нет студентов».

Она постоянно придерживалась только фактов, без любого выражения одобрения, неодобрения, надежды или сожаления. Все, что она рассказала, было облечено в лишь плоть фактов – без эмоций или комментариев.

Со своими обычными километрами книжных полок знаменитая библиотека выглядела почти нормально. Здесь и там на книжных полках зияли пустоты - к примеру, пустовало большое число книжных шкафов, обозначенных как «Bibliothèque de Voltaire (Библиотека Вольтера)». Журнальный зал был открыт с какой-то отрывочной коллекцией последних номеров, выставленных на большом столе - «Британский союзник» от министерства информации, а также номера «The Lancet (Ланцет)», «The British Medical Journal (Британский медицинский журнал)», (примерно полугодовой давности), и (преимущественно) «The American Journal of Nutrition (Американский журнал по вопросам питания)» и другие научные журналы.

«Эти журналы приходят очень нерегулярно, - сказала Егоренкова. - Теперь нашей главной задачей будет содержать книги в хорошем состоянии в течение следующей зимы в условиях ограниченного отопления или при его отсутствии». И ука-

зав на окна в одной из комнат, в которых не было стекол, она сказала: «В большинстве наших окон стекла выбивало по четыре раза, но мы пока не вставляем новые стекла или фанеру; для просушки книг хорошо, когда в помещение проникает свежий воздух. Когда начнется дождливая погода, мы закроем окна».

На главной лестнице была выставка разнообразных карт и диаграмм, на некоторых из них были представлены военные усилия Союзников. На другой стене была выставка фотографий и различных документов, посвященных восьмидесяти пятилетию Бычкова /6/, руководителя Отдела рукописей библиотеки. «Он себя не очень хорошо чувствует, поэтому сегодня на работе его нет, - сказала Егоренкова. - С самого начала он отказался покинуть Ленинград», - опять никаких комментариев.

Потом мы прошли через огромный основной читальный зал, почти такой же большой, как в Британском музее. Внешне все выглядело в порядке, не было только читателей. В расположенном рядом, меньшем по размерам читальном зале сидело десять или пятнадцать человек.

Потом мы пошли по длинному коридору, который казался почти бесконечным, он был уставлен каталогами. «Сперва этот каталог располагался в подвале и там он отсырел, - сказала Егоренкова. - Мы подняли его наверх и высушили, серьезного урона не было, все карточки читаемые и сейчас находятся в хорошем состоянии. Было важно спасти карточный каталог, он у нас единственный такой полный. Здесь еще некоторое количество карточек, которые еще не просохли до конца», - добавила она, показав на массу карточек, разложенных на подоконнике. «Это уже последние».

На втором этаже было еще около 3 500 000 иностранных книг, преимущественно французских, немецких и английских. «Самые ценные инкунабулы, как русские, так и иностранные, мы эвакуировали, - сказала Егоренкова. - У нас еще есть архивы Бастилии - их купил для этой библиотеки царский дипломат в Париже».

Вплоть до этого момента в огромном здании едва ли были какие-то признаки человеческой жизни, но теперь мы вошли в большую комнату, которая буквально жужжала от гула голосов. Здесь находились пятнадцать пожилых женщин, которые заполняли каталожные карточки, писали заметки, сортировали горы материалов - плакаты, рукописи, вырезки из газет, карикатуры, продуктовые карточки и многое другое. «Это совершенно новый и специальный отдел, - сказала Егоренкова, - здесь мы создаем полное описание жизни Ленинграда и Ленинградского фронта в военное время. Познакомьтесь с Верой Александровной Каратыгиной, специалистом по истории Ленинграда, Петрограда и Санкт-Петербурга». Трудно было представить более разных людей, чем эти двое. Каратыгина была красивой пожилой женщиной с седыми волосами, гримом и наложенной губной помадой, глубоким, цветистым голосом и настойчивой манерой говорить, свойственной школьной учительнице-энтузиастке.

«Мы ни от чего не отказываемся, - сказала она, - мы сохраняем, каталогизируем и классифицируем все, что представляет собой хотя бы незначительный исторический интерес для полного восстановления истории защиты Ленинграда. Брошюры и пригласительные билеты любого рода, памфлеты, листовки, членские карточки - для нас важно все. Театральные и концертные билеты, программки, объявления о концертах - например, рекламы, анонсирующие о первом исполнении в Ленинграде Седьмой симфонии Шостаковича - документы, имеющие отношение к индустриальной, научной и литературной жизни; продуктовые карточки различных периодов блокады и после нее, список всех домов Ленинграда с максимально возможной детализацией числа проживающих в них жителей, повреждений в результате артиллерийских обстрелов и так далее, инструкции МПВО /7/ - некоторые из них напечатаны, другие просто написаны от руки, фотографии, экземпляры фронтовых газет и другие публикации, пускай, даже что-то совсем незначительное.

Все это мы коллекционируем и классифицируем. Мы также переписываем массу информации из газетных вырезок по всем вопросам, имеющим отношение к защите Ленинграда. А вот теперь, - сказала она, - некоторые из нас заняты созданием альбома, посвященного прорыву ленинградской блокады - с письмами от солдат, которые принимали участие в этих боевых действиях, и массой других, печатных, рукописных и фотографических материалов».

Пожилые дамы - большинство из них выглядели, как постаревшие аристократки, видавшие гораздо лучшие времена - были по уши погружены в свои вырезки, листовки, плакаты и объявления и настолько поглощены своей работой, что едва ли обратили внимание на наше посещение, а также и на артиллерийский обстрел, который все еще продолжался. Когда мы уходили, я сказал Егоренковой - «Участие в такой важной работе должно давать этим пожилым дамам чувство глубокого удовлетворения». «Почему вы называете их пожилыми дамами? - немного ядовито спросила она, - они не "пожилые дамы" - это полностью профессионально подготовленные сотрудники библиотеки, которые долгие годы работают в ее штате»...

Перевод с английского языка выполнили Г.А. Лапис, А.Б.Егоров.

1. Werth A. Leningrad. To the Workers of the Kirov Plant. London, 1944.
2. Инкунабула - всякая книга, напечатанная на начальном этапе книгопечатания (1450 - 1500).
3. С 1923 г. Александринская площадь стала именоваться площадью Островского.
4. Майор Лошак являлся представителем командующего Ленинградским фронтом и сопровождал А. Верта в период, когда он находился в Ленинграде.
5. Егоренкова Е. Ф. (1907 - 1966), являлась директором Государственной Публичной библиотеки с 1941 по 1946 гг. Она оказалась первой женщиной в ряду дикторов этой библиотеки. Более того Е. Ф. Егорен-

кова оказалась самой молодой из всех своих предшественников. В год вступления в должность ей было только 34 года. (См.: <http://rusmilestones.ru/day/show/?id=13954>)

6. Бычков И. А. (1858 - 1944), советский учёный-археограф и библиограф, член-корреспондент АН (1903), сын академика А. Ф. Бычкова. В 1880 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1881 г. стал хранителем Отделения рукописей Публичной библиотеки и был им до конца жизни. Продолжая дело отца, Бычков И. А. издавал описания коллекций рукописей Публичной библиотеки и их пополнений в ежегодных «Отчётах» библиотеки, участвовал в работе Археографической комиссии (с 1887 её член), продолжил издание «Писем и бумаг Петра Великого» (т. 5 - 7). Опубликовал много материалов о русских государственных деятелях и писателях XIX в. Являлся крупным знатоком рукописных фондов и вспомогательных исторических дисциплин. Во время Великой Отечественной войны оставался в осажденном Ленинграде и участвовал в сборе архивов погибших или эвакуировавшихся учёных и писателей.

7. МПВО - Местная противовоздушная оборона.